

*Посвящается девочкам-греблинам.
Я хотела бы сказать вам что-нибудь вдохновляющее,
но, если честно, когда жизнь захлопывает
перед нашим носом дверь, она не всегда
открывает окошко.*

*Но не стоит отчаиваться:
на такой случай существуют кирпичи.*

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Это история о многом: о прекрасном и мерзком, о мучительном и истинном. Здесь есть рассуждения о равнодушии и жестокости к детям, о том, как выживать среди людей, всегда готовых оскорбить или ударить, о душевной травме, оставшейся после попытки изнасилования. У многих из нас на сердце есть подобные раны, и в этой книге я попыталась заговорить о них прямо, но так, чтобы не повредить с таким трудом наложенные швы. И все же, я уверена, о своих шрамах вы и так знаете.

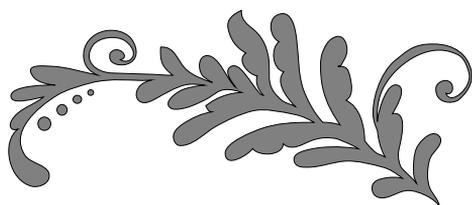
*Мелкий вор крадет золото,
а великий — целые королевства,
но на виселицу отправляется только один из них.*

— Альмандская пословица

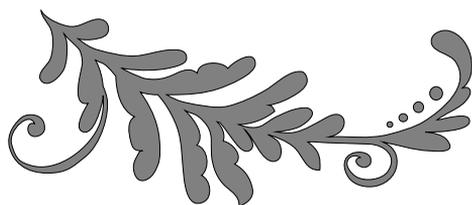
A decorative floral wreath made of stylized leaves and scrolls, framing the text.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:
ПРОКЛЯТИЕ
ЗОЛОТА

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

БОГИНИ-МАТЕРИ

ДАВНЫМ-ДАВНО, В САМУЮ ХОЛОДНУЮ НОЧЬ В СЕРЕДИНЕ зимы, в самом темном сердце леса, Смерть и Удача вышли на перекресток.

Высокие и непостижимые, они стояли на гладком, как стекло, снегу. Смерть была в саване из теней и дыма погребальных костров, а Удача — в платье из золота и костей. Больше об их облике ничего сказать нельзя, потому что каждый видит Смерть и Удачу по-своему, но все мы сразу узнаем их, когда встречаем на своем пути. В эту ночь одна женщина пришла сюда как раз для того, чтобы встретиться с ними. Ее тусклые кудри морковного цвета выбились из-под шерстяного чепца. Обожженное ветром лицо было такое же потрепанное, как и изношенный плащ на плечах. В одной руке она стискивала железную ручку тускнеющего фонаря. Его коптящего огонька хватало только на то, чтобы выхватывать из темноты снежинки, которые порхали вокруг, точно светлячки, и тут же снова таяли во мраке.

Другая ладонь женщины крепко стискивала ручку маленькой девочки. Варежка у девочки была рваная.

— Прошу вас, — взмолилась женщина, дрожа от холода: она стояла по голень в снегу. — Мы едва можем прокормить двенадцать других ртов, а эта девочка... она приносит несчастье. Куда ни пойдет, там скисает молоко, спутывается

шерсть, рассыпается зерно. Чего ни коснется — все разваливается.

Малышка молчала.

— Ей всего... — Удача склонила голову набок, и венок из монет на ее челе стал мерцать и переливаться. Медь превращалась в уголь, уголь в серебро, серебро в золото. — Три года? Десять? Прошу прощения, вас, людей, не разберешь.

— Ей четыре, — сказала Смерть тихим, темным голосом, потому что Смерть всегда знала.

Удача наморщила нос.

— Маленькая. Самый возраст, чтобы рассыпать зерно и все ломать.

— Она тринадцатая, — не отступала женщина, вскидывая фонарь выше. Она стояла на своем, точно упрямая корова. Отблеск слабого огонька упал на венки из монет на лбу Удачи, на тонкий, как дымка, край капюшона Смерти. — Как и я. А значит, она тринадцатая дочь тринадцатой дочери. А это самый скверный знак.

— Ты сказала другим своим детям, что отведешь ее в лес искать удачи. — Низшая Богиня сорвала монету со своего венка, и та пошла плясать меж ее пальцев, сверкая медью и серебром, золотом и чернотой.

— Но на самом деле ты искала меня, — договорила Смерть своим темно-бархатным голосом, и лицо женщины все сморщилось от стыда. — И вот ты нашла нас обеих. Ты проделала долгий путь в темноте, на морозе, чтобы попросить у нас помощи.

— Просить благословения у Госпожи Удачи. Рискованно. Никогда не знаешь, чем оно обернется. — На лице Удачи мелькали то жестокость, то сочувствие, как мелькала между ее быстрых пальцев монетка, чередуя день с ночью, красное с белым.

А Смерть не шелухнулась.

— Мои дары ты знаешь, так что понимаешь: хотя забрать я могу многое, дать я в силах совсем мало. Но вот что я тебе скажу: из вас двоих только одна вернется домой.

Женщина резко втянула воздух.

Удача улыбнулась, и ее монетка засверкала, точно солнце и точно снег, точно тень и точно кровь.

— Ты искала в лесу Смерть. Неужто ты думала, что вернуться будет легко?

Женщина ничего не ответила. Огонек в фонаре стал меркнуть.

— Проси, — приказала Смерть. — Что ты хочешь получить от нас?

Фонарь в руке женщины затрясся. Кожа на костяшках пальцев потрескалась от мозолей и холода.

— Я хочу сделать так, как будет лучше... для всех.

— Выбирай, — вновь приказала Смерть. — Кто из вас вернется?

Женщина выпустила руку дочери.

Удача приподняла подбородок девочки. С бледного, веснушчатого лица на нее устремился взгляд очень цепких черных глаз. Две косички такого же цвета, как и огонек фонаря, были перевязаны лоскутками.

— Как тебя зовут? — спросила Смерть.

Женщина развернулась и умчалась с перекрестка, унося с собой последние обрывки света.

— Ваня. — Это было первое, что я сказала своим богиням-матерям. — Меня зовут Ваня.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Карточные игры

С ТЕХ ПОР, КАК СМЕРТЬ И УДАЧА Взяли меня под опеку, минуло почти тринадцать лет, и я проделала достаточно долгий путь сквозь зимний мороз, так что теперь почти никто не называет меня Ваньей.

Тук-тук. В крышу кареты стучат костяшки пальцев, обтянутых перчаткой. Сверху доносится приглушенный голос кучера:

— Почти приехали, принцессина.

Я не отвечаю. Я и не должна отвечать. Я давно поняла, что принцессы не обязаны отвечать слугам.

Почти весь прошлый год я носила эту маску — лицо принцессы. Точнее, Жизель-Бертхильде Людвилы фон Фальбирг из принципалитета Зовабина, принцессины-валь Благословенной Альмандской Империи. Девушки, которая в недалеком будущем должна стать маркграфиней Жизель (и так далее) фон Райгенбах из приграничной марки Боэрн, самой крупной территории империи, — но это когда маркграф наконец найдет время для заключения брака.

Хотя я всеми силами постараюсь избежать свадьбы (об этом позже).

Прищурившись, я выглядываю из окна кареты в позолоченной раме, изучаю фахверковые корпуса усадьбы фон Айзендорфов, к которой везут нас лошади. Тени движутся в окнах первого этажа, превращая их в лучистые глаза, подмигивающие